

АРТЕМИЙ РУСОВ

РАЙСКИЙ ГРАД

Артемий Русов

Райский град

«Автор»

2026

Русов А.

Райский град / А. Русов — «Автор», 2026

Роман Снеговой — писатель. Днём он работает литературным негром в агентстве "Ваше перо", а вечером строчит в блокнот научно-фантастические рассказы. Пишет Снеговой под звуки джаза в любимом ресторане "Авеню". И здесь же встречает роковую красотку Катерину — певицу и любовницу влиятельного мафиози Вергилия Магомедова. Девушка явно в беде, путает Романа с детективом, извиняется и пропадает в снежной ночи. Был бы Снеговой настоящим писателем, если б не влюбился в Катерину с первого взгляда, не попытался вновь с нею встретиться и предложить помощь? Возможно, но именно так он и поступает, втягиваясь в снеговорот предновогоднего райского города будущего, где не так уж всё утопично, как видится в глянце витражей и неоне уличных билбордов.

© Русов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	18
Слава СССР!	21
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Райский град

Глава

*Иду навстречу цветным витринам,
Мимо пролетают дорогие лимузины.
В них женщины проносятся с горящими глазами,
Холодными сердцами, золотыми волосами...
Танцы Минус*

Глава 1

Терпеть не могу фэнтези. Все эти колдуньи с магией, рыцари с мечами, скелеты в доспехах, гномы с топорами, упыри, драконы, эльфийки и прочая нечисть вызывают у меня такое раздражение, что глаза на лоб лезут. Конечно, среди фэнтезийной макулатуры всё же есть жемчужины. «Властелин колец» Толкина, например. Трилогия. И всё, пожалуй.

Я, в отличие от моих коллег, люблю научную фантастику. Лема, Стругацких, Хайнлайна, Азимова, Ефремова.

Так к чему это всё.

Меня зовут Роман Снеговой. Я — писатель. Книги свои не назову, потому что лично ещё ничего крупного не написал. Но по профессии, по образованию и по призванию я — повторюсь — писатель. Работаю в редакции «Ваше перо». Нетрудно догадаться, чем же я там занимаюсь, но расскажу. Мы — шесть дилетантов и я — выполняем заказы по написанию книг. В среднем с книжкой в шестнадцать авторских листов справляемся за месяц, а то и быстрее. Всё зависит от желаний заказчика. Закрученный сюжет, живые герои, динамичные сцены, философские размышления и прочие составляющие хорошей литературы в сумме требуют кропотливого труда, поэтому и большего времени для написания книги. Но наши клиенты непритворливы: просят фэнтези.

Ну, хватит о работе, скажу о главном.

Почему я взялся писать дневник: виновата всё та же фэнтези — чёрт бы её побрал! Только сдали один «роман» с интригующим названием «Маги против волшебников», так сразу — сегодня утром — прилетел заказ от известного, так называемого «модного» писателя Вергилия Магомедова. Этот... писатель попросил сотворить для него сагу «Басня стужи и зноя».

— Ну, по сюжету ничего не скажу, — промямлил он по видеосвязи (конечно, такие шишки никогда не придут в редакцию лично!) — Вы что-нибудь там придумайте... такое, чтоб всех моих читателей поразило. Книжечек так шесть по двадцать алок каждая.

Шесть книг! По двадцать алок! Да это же самая настоящая кабала! Полгода работы! Ещё и — фэнтези! Господи, боже мой!.. Ладно, Магомедов хотя бы платит достойно.

Так к чему же я решил писать дневник.

Несправедливость. И хочется рассказать о ней, а не о том, как некий Гордомунд, бывший раб, становится рыцарем круглого стола и в одиночку идёт спасать королевство от полчищ гоблинов и трёх огнедышащих драконов в придачу. Фэнтези мне уже по горло! На работе все шесть часов только и делаю, что *фантазирую*. И теперь каждый вечер — начиная с сегодняшнего — буду посвящать написанию мемуаров (если это можно так назвать). Думаю, моя жизнь куда интереснее, чем приключения Гордомунда.

Лелею надежду, что мои записки когда-нибудь будут опубликованы, как самая настоящая книга, но это маловероятно. Мне ли не знать — начинающим писателям, да ещё и одиночкам, в современном книгоиздательском мире очень сложно опубликовать свои работы (имеется в виду: на бумаге, а не в электронном виде в сети на сайте каждодневных авторов). Во-первых, конкуренция именитых авторов; во-вторых, конкуренция объединённых под одним псевдонимом целых цехов писателей — штампуют толстые книги по одной за месяц; в-третьих, конкуренция именитых писателей, на коих пашут группы объединённых в цех литераторов (где я, собственно, и работаю), штампующих по книге за месяц. Всё для того, чтобы утолить литературный голод ненасытных читателей Града. Кстати, нужно признать, что качество таких книг очень даже неплохое, несмотря на то, что — фэнтези. Во всём виноваты нейросети, способствуют творчество любого современного писателя. Инструмент незаменимый! Но и опасный. Потом расскажу.

Конечно, есть вариант пробиться: многочисленные литературные журналы нашего города, но и там очень большой, так сказать, кастинг. Лишь один мой рассказ смог попасть в такой журнал. Обязательно расскажу и об этом.

Мой достаток, несомненно, позволяет, чтобы я так же, как сейчас поступают многие, заказал собственную книгу и через месяц получил готовый авторский экземпляр с гордым «Роман Снеговой» на обложке. Но я выше этого. Да. Пишу сам. От руки. И без нейронки.

Итак, завершаю эту небольшую преамбулу. Перехожу к повествованию. «Жизнь Романа» — наверное, так назовут эту книгу потомки, когда найдут мой дневник.

*

2035 год. На календаре — декабрь. Осталась неделя до нового года.

Ресторан «Авеню». Я одиноко сижу на своём любимом месте — в дальнем углу зала — на мягком кожаном стуле за круглым столиком. Зал весь заставлен такими столиками. Почти за каждым — элегантный молодой человек в чёрных блестящих туфлях, в костюме-тройке, смокинге или же просто в брюках и белоснежной, идеально отглаженной рубашке с чёрным галстуком-бабочкой; а напротив — обворожительная миледи обязательно в туфлях на высоких каблуках, в длинном сногшибательном платье, с крошечной сумочкой на коленях, в чуть сдвинутой набок шляпке.

На небольшой округлой сцене на фоне богато наряженной ёлки стоит *она*. В красном обтягивающем платье. На талии — широкий пояс, завязанный, словно для подарка, в бант. Одной рукой обняв большой серебристый микрофон на стойке, она поёт. Похоже — джаз, но я не уверен... плохо разбираюсь в музыке.

Её голос божествен. Он льётся, подобно ручью, спокойно, нежно. О чём она поёт? Кажется — о любви. Да-а...

А фигура... алая ткань обтягивает так, что платье будто вот-вот лопнет; идеальная ножка выглядывает в большой разрез до бедра, тонкие руки в беспальных перчатках, закрывающих всё предплечье, плавно двигаются в такт музыке, а длинные каштановые волосы ниспадают на голые плечи.

Эта девушка здесь недавно — мне ли, завсегдатаю «Авеню», не знать, — но уже успела завоевать сердца многих мужчин. После каждого выхода на сцену у её ног целая гора цветов и подарков, а около двери в гримёрную теперь стоит охранник. М-м, такую даму действительно нужно охранять...

Пока я всё это записываю, она продолжает петь. Моя старая добрая шариковая ручка всё выводит закорючки букв в потрёпанном блокноте, наполовину исписанном различными рабочими заметками. Свет светильника с изумрудным абажуром, стоящего посреди столика, падает на страницу.

Мне здесь уютно. Даже уютней, чем в собственной квартире. И хочется думать о чём-нибудь возвыш...

*

Я говорил, что написанию своей книги буду посвящать каждый вечер. Но то, что произошло со мной вчера в ресторане «Авеню» не может ждать целый день, прежде чем перенесу всё из воспоминаний на бумагу. Поэтому предтрудовое зимнее утро я проведу не в тёплой постели, а за письменным столом.

Полагаю, именно с этого происшествия должна была начинаться моя история. Кому же, как ни Роману Снеговому, знать о той самой экшн-сцене, тут же затягивающей читателя в повествование. Первый же абзац большинства книг модных писателей начинается примерно с такого:

«Над головой — в каких-то миллиметрах — просвистела(л/ло) пуля (пущенный камень, копьё или что-то ещё, выбирайте сами). Я упал, вжавшись в землю и ища взглядом врага. Откуда-то раздался пронзительный крик. Похоже, женский...»

После этого «взрывного» события идёт знакомство с ГГ и миром. Затем начинается развитие сюжета, победа за победой, но в середине книги происходит что-то ужасное: главный герой терпит поражение, разочаровывается в жизни, любимая уходит к злодею и т-э-д-э. Сюжет продолжает развиваться: герой преодолевает и преодолагает. Под конец книги наступает безысходность — герой вот-вот будет окончательно сражён. Но происходит что-то, чего совсем не ожидает читатель, и всё заканчивается хорошо. И, конечно, пишется то, зачем же автор сотворил сей опус. Основная мысль, так сказать. Конечно, не в лоб, а завуалировано, через уста и действия героя. Но дьявол! Я хочу рассказать совсем не об этом! А мысли о предстоящей работе пауками закрадываются в голову...

Итак.

Я сидел в ресторане за своим столиком, писал в дневник и слушал песню обворожительной миледи, как вдруг надо мной раздался голос:

— Вы детектив?

Я поднял глаза и увидел её. Не помню точно, но у меня, кажется, отвисла челюсть. Рядом со столиком, уперев одну ручку в талию, а в другой сжимая крохотную сумочку (клатч — лишь сейчас вспоминаю название), стояла та самая певица. Похоже, я слишком увлёкся блокнотом и не заметил, как она закончила петь.

Девушка ждала, приподняв одну бровь.

— Я писатель, — наконец, выдавил я.

— Ой, — искренне, как мне показалось, удивилась она и присела на стул напротив. — Мой хороший знакомый тоже — писатель. Вергилий Магомедов, слышали о нём?

Конечно, чёрт возьми, слышал!

Девушка сидела боком, положив ногу на ногу, и мой взгляд упал не её идеальную коленку, выглядывавшую в прорезь платья. Именно тогда я начал понимать, *кто же* оказался за одним столиком со мной.

— А почему вы подумали, что я детектив? — решил проявить инициативу.

Певица очаровательно улыбнулась.

— Ваша записная книжка, — указала она глазами на блокнот. — Совсем, как у полицейских. Они порой заходят сюда, знаете?.. И ещё — ваш взгляд.

— Взгляд?

Неужели заметила, что пялюсь? Я тут же не без труда оторвал взгляд с этой безупречной ножки и посмотрел в лицо девушки — мимо мелькнули бёдра, талия... кхм... шея, алые губки... (Написал бы: снизу вверх лизнул взглядом. Но как пошло!)

Было очень сложно смотреть в её безупречную переносицу — взгляд всё время норовил опуститься.

— Да, — чуть кивнула певица, отвечая на мой вопрос, и вдруг взволновано вздохнула. — Ах, как я бестактна. Меня зовут Катерина. — Она протянула ручку. Я заметил тонкие линии расслабленной кисти, острые алые коготки пальцев и петельку перчатки на безымянном.

— Роман Снеговой! — провозгласил я (вот же идиот!), взяв эту расслабленную кисть в свою ладонь, легонько взвесив её и при этом кивнув (полный идиот!)

Катерина, по-видимому, ожидала, что я, как истинный джентльмен, поцелую протянутую дамскую ручку — в её глазах отразилось небольшое удивление, затем крохотная досада.

— Что ж, — сказала она, взявшись за сумочку (от этого движения моё сердце вздрогнуло — неужели сейчас уйдёт?!)

Но девушка всего лишь лёгким движением открыла её и начала что-то искать. А в это время я заметил взгляды посетителей, устремлённые на нас и в особенности — на меня. Среди смотрящих были и те самые поклонники молодой певицы (что, неудачники, завидуете?!)

В руках Катерины появилась длинная ароматическая трубочка. Включив её, певица зажала мундштук алыми полными губками.

— О чём же вы пишете? — спросила она, выдохнув клубничный пар и отведя назад руку с зажатой между пальцев трубочкой, отчего грудь чуть подалась вперёд, и мне вновь показалось, что ткань её платья вот-вот лопнет.

— О жизни, — ответил я, смотря в глаза Катерине (проклятье, я даже не запомнил их цвет!)

— М-м, а с вами происходит что-то интересное? То, чем стоит поделиться с читателями? — промурлыкала она и вновь插插 мундштук в уголок рта.

— Порой, — отрезал я и, вспомнив о времени, глянул на наручные часы. Отведя от них взгляд, тут же забыл, который час.

— Вы куда-то спешите? — осведомилась следившая за моими глазами Катерина.

— Нет... то есть... нет. — Я попытался как можно очаровательнее улыбнуться, даже дёрнул одной бровью и затем предложил: — Может — вина?

— Благодарю, — улыбнулась певица (кокетничать у неё получалось намного лучше, чем у меня). — Но, если честно, мне тоже пора уходить. Уже так поздно... проводите меня?

— Конечно, — ответил я, наблюдая, как ароматическая трубочка пропадает в клатче, а вместо неё в руке Катерины появляется золотой city-phone. Его дисплей, поначалу мёртвый, встретился со взглядом владелицы и разгорелся красочными символами. Девушка, чуть скользнув по ним большим пальцем, вдруг преобразилась: её взгляд стал томным, губы совсем немного вытянулись, будто нерешительно хотели поцеловать, подбородок вздёрнулся. Она повернула головой, подставив дисплею сначала одну, затем другую щёчку, и, удовлетворившись своей внешностью, убрала телефон обратно и спросила:

— Пойдёмте?

Я тут же среагировал на её вопрос: поднялся со стула, убирая блокнот вместе с ручкой во внутренний карман жилетки, обошёл стол и подал даме руку. Она, мило улыбнувшись, взялась за неё и тоже встала.

На миг мы оказались непозволительно близко друг к другу, учитывая то, что это было наше первое свидание (ага, свидание). Я почувствовал её горячее дыхание на своём подбородке, ощутил кружащий голову аромат духов, посмотрел в невозможно близкие глаза (и вновь не запомнил их цвет).

Но вот мне, теперь преобразившемуся в джентльмена, пришлось отступить, чтобы пропустить даму вперёд.

Идя следом, я поражаюсь грации и красоте, с какой Катерина обходила столики и сидящих за ними посетителей, всё продолжавших стрелять по певице взглядами.

В гардеробе я помогал Катерине надеть её лисью шубку, как вдруг услышал за спиной знакомый голос:

— Мисс Катрин! Миледи, прошу вас...

Появился мой хороший знакомый — Павел, владелец ресторана. На нём, как и всегда, сверкал золотом костюм, и при каждом взгляде на него глаза начинали непроизвольно слезиться, а на лице появлялась глупая прищуренная улыбочка.

Он подбежал к певице, встал на цыпочки, схватившись обеими лапками за воротник своего фрака, потянулся к щёчке Катерины, будто бы для прощального поцелуя, но вдруг промазал, и я увидел, как его губы с шипением зашевелились у самого уха девушки. Та свела бровки, а затем, прикрыв глаза, кивнула.

— Ну, тогда, — уже во весь голос проговорил Павел, отстраняясь и разводя руками, — я возвращаюсь развлекать публику. — Он сверкнул своей знаменитой улыбкой и чуть повернулся, как бы провожая нас. — Роман, Катрин...

К этому времени я уже надел длинное пальто и чёрную фетровую шляпу. Пожав протянутую пухлую ручку Павла, вышел за Катериной в холод зимы.

*

Продолжение пишу, сидя в вагоне метро и опаздывая на работу. За окном так же темно и идёт снег, как было в тот злополучный вечер. Это, надеюсь, поможет мне вспомнить некоторые подробности произошедшего, учитывая то, что моя мигрень разыгралась с новой силой.

Сейчас через идеально прозрачное стекло я вижу, как мимо проносятся окна пятых этажей и запорошенные верхушки деревьев, как мелькает сияние рекламных баннеров, поздравляющих с наступающим 2036 годом... но вчера, выйдя из ресторана, я увидел, как крупные хлопья, подсвеченные золотистыми фонарями, медленно падали с чёрного неба, приземлялись на поля моей шляпы и на пушистый воротник Катерины. Мы шли рядом по парковке. Сейчас я пытаюсь, но не могу точно описать, что было вокруг — в воспоминаниях не осталось даже тени припаркованных авто и прохожих, шедших навстречу. А ведь улица в центре города всегда выглядит оживлённой, даже в самый поздний час.

— Вы на метро? — спросила Катерина.

— Да, а вы?

— Ох, — вздохнула певица, — всё никак не могу пересесть на общественный транспорт. В её руке звенькнули ключи от машины.

— Что ж, в таком случае... — проговорил я, остановившись — в это время мы уже подошли к её электромобилю.

Катерина нажала на брелок, и дверца белого авто, исполненного в стиле ретро-футуризм как Tucker Torpedo, услужливо открылась перед хозяйкой. Девушка села в кресло водителя, и я удивился, увидев руль вместо привычной панели управления.

— Полная имитация старой автомашины, — объяснила Катерина, заметив мой взгляд. — Может, вас подвезти?

Отказываться было неудобно да и как-то глупо, поэтому я, улыбнувшись, начал обходить машину, направляясь к пассажирскому сидению.

— Малышка, — донёсся до меня голос Катерины, — открой господину переднюю пассажирскую...

— Как будет угодно, мисс, — ответил электромобиль щебечущим сопрано. Похоже, навигационную панель здесь заменяло голосовое управление...

...К сожалению, я подъезжаю к своей станции и не успеваю всё расписать подробно. Поэтому кратко:

Я уже собирался сесть в машину, как вдруг (вот та самая экшн-сцена, о ней говорилось вначале!) почувствовал сильнейший удар по голове.

*

Обещанные подробности я так и не успел записать, да и вспомнить тоже. Но не суть. Сейчас полдень, и я сижу за своим рабочим столом в редакции «Ваше перо». Жертвую обедом, чтобы записать продолжение вчерашних злоключений.

Пришёл в чувство от того, что кто-то шлёпал меня по щекам (ещё одно эффектное начало для книги!)

— Роман, очнитесь! Да очнитесь же!.. — раздался надо мной голос владельца «Авеню». Я наконец смог собрать взгляд, и передо мной появился знаменитый павловский оскал.

— Всё хорошо? — осведомился оскал.

— Голова... — простонал я, положив руку на лоб и обнаружив на нём мокрую тряпицу.

— Эти чёртовы бильярдмены, — прокрипел Павел, помогая мне сесть. — Расположились на втором этаже и творят, что хотят!..

— Не понял? — сказал я, сняв тряпицу со лба.

— Вам по голове попали бильярдным шаром! Он странным, непостижимым образом вылетел из окна бильярдной, — объяснил Павел и воинственно погрозил потолку кулачком. — Ух, я им теперь!.. На камере всё видно!

— Спасибо, — сказал я, протягивая тряпицу, и только тогда обнаружил, что сижу в закрытом для посетителей отделении гардероба на кушетке для переобувания. — А где моя шляпа?

— Должно быть, осталась там, — сказал Павел, задумчиво принимая мой недавний компресс. Тут директор выпрямился и торжественно проговорил: — Ввиду того, что инцидент имел место быть около моего ресторана, предлагаю вам небольшую компенсацию: собственную шляпу!

Он из-за спины, как фокусник, извлёк шикарную белую фетровую шляпу.

— Правда, не стоит... — сказал я, но шляпа уже сидела на моей голове, и я почувствовал приличную шишку на затылке.

— А также, — продолжил Павел, — вам будут бесплатно предоставляться любые напитки из бара в течение месяца! Прошу прощения за причинённый вам вред! — Он вновь с гневом воззрился в потолок.

— Паша, ну хватит, мне даже страшно, — попытался я прекратить всю эту официальность и льющийся из него концелярит. Тогда, несмотря на мигрень, я чувствовал себя не так плохо, как могло бы показаться.

— Нужно было сразу вызвать врача, — всё негодовал Павел, — а эти идиоты положили вас здесь и мне сообщили лишь полчаса назад, чёрт бы их...

— Кто? — тупо спросил я.

— Официанты! Они обнаружили вас, — объяснил Павел и вновь принял стойку. — Не переживайте, все виновные будут наказаны!

Я вспомнил о своих вещах и начал шарить по карманам пальто. Телефон, ключи от квартиры, трубка... похоже, всё на месте. Тогда завернул рукав и проверил часы. Они показывали полночь.

— Сколько я здесь пролежал? — спросил я, вспоминая, в какое время вышел из ресторана. Вроде как в десять вечера. — Два часа?

Павел выдохнул и горько кивнул.

— Проклятье... — Я сдвинул шляпу на лоб и аккуратно потрогал больной затылок.

— Нужно вызвать врача, — вновь начал лопотать Павел. — Вдруг сотрясение? Нет? Точно? Как вы себя чувствуете? Не двоится? Сколько пальцев я показываю?..

Но пока он говорил и махал перед моим лицом пухлой рукой, я думал совсем не о состоянии своей несчастной головы. Катерина... ведь она всё видела. И, наверное, сама позвала этих официантов, чтобы помогли... какой позор, господи... Что теперь она думает обо мне? Но я не виноват! Удар был неожиданным, да ещё и со спины. Что я мог сделать? Если бы это были хулиганы, как в фантастическом романе, я бы, несомненно, поступил так, как подобает мужчине. Но это был всего лишь шар для бильярда, летящий со второго этажа прямо мне в голову.

— А Катерина?.. — перебил я тараторившего что-то Павла. — Она была здесь? Рядом со мной?

— Катрин? — В голосе Павла прозвучало удивление. — А вы что с ней — это самое?.. — Он осёкся, прочистил горло в кулак и ровным тоном продолжил: — Когда я нашёл вас, рядом никого не было.

Павел ещё минут десять уговаривал меня вызвать врача, аргументируя тем, что два часа без сознания — это, знаете, не шутки. Убедив его в том, что со мной всё в порядке, я наконец вышел из «Авеню» и пошёл прямо к тому месту, где произошёл столь неприятный инцидент. Надеялся найти свою шляпу и, как ни странно, обнаружил её сразу же. Она, припорошенная снегом, всё это время лежала там, никем не замеченная и не тронутая.

Я наклонился к ней и опасливо замер, услышав взрыв смеха, донёсшийся из здания. Повернув голову и подняв глаза, увидел на втором этаже открытое окно, как оказалось, той

самой бильярдной. На шторах плавали тени людей. Люди расхаживали по комнате, и я с облегчением понял, что смех звучал не по поводу моего появления.

Подобрав шляпу, я отряхнул её и, сняв павловский дар, водрузил на голову. Сразу почувствовал себя лучше, будто вернулась давно утерянная частица моей личности. Ещё раз осмотрел «место преступления». Заметил почти исчезнувшие следы от колёс машины певицы, такие же бледные подошвы собственных ботинок и, по-видимому, отпечаток моего тела. Вокруг него также было множество следов. Следы эти, вероятно, тех официантов.

«Чёрт бы вас...» — подумал я словами Павла, так и не найдя проклятый шар — хотел запустить туда, откуда он прилетел.

Достал трубку, включил, вставил в уголок рта.

Помахивая шляпой Павла, выдыхая густой пар и чувствуя вкус черешни во рту, я направился к ближайшей станции метро.

*

Расскажу о работе.

Пять лет назад на центральной площади Града произошёл бунт против нейролитературы, оставшийся незамеченным для многих горожан. Прохожие думали, что это флешмоб или перформанс, но это бунтовали писатели, поэты, барды и прочие приближённые к текстовому творчеству. Неделью они жили в палатках, читали классику прозы днём, стихи вечером, а ночью пели песни под гитару. Наконец, вышел закон, запрещающий писать художественную литературу искусственному интеллекту, и площадь благополучно освободилась. Для нейросети тогда вернули статус помощника, инструмента. Теперь даже попытка использовать ИИ как автора или литературного негра пресекалась на этапе написания запроса. И появились мы: редакция «Ваше перо».

Здесь, как уже говорил, трудятся семь литераторов, включая меня. У каждого — собственный рабочий стол со всем необходимым для творчества: компьютером, кипами чистой бумаги и отпечатанными черновиками с рабочими заметками от руки, различными письменными принадлежностями, толстыми справочниками, словарями и кружкой остывшего чая. Мда, похоже, я описал собственный стол. Почти все коллеги обходятся лишь компьютером и кружкой.

Работаем мы обычно по три часа до и после двухчасового обеда.

Теперь о коллективе.

Егор. Худощавый и долговязый парень с вычурной причёской и квадратными очками, похожий больше на стилиста, чем на писателя. Он занимается персонажами и их характерами, оживляет, так сказать, образы. Несмотря на хипстерский стиль в поведении и одежде, из-под пера выпускает довольно суровых королей, королев, воевод, воительниц и прочих хмурых дядек и тётек. Также пишет и текст.

Андромеда. Мечтательная особа. К ней как ни к кому другому хорошо подходит слово «воздушная». И правда: похожа на облачко, особенно в своём бело-синем платье с рюшками. Постоянно приносит вкусняшечки, как сама их называет. На её столе всегда блюдце с чем-нибудь таким. Андромеда — второй специалист по персонажам. Придаёт героям Егора «пышности и лёгкости» и пишет собственных. Их Егор в свою очередь «приводит в порядок». Работает над доверенными ей частями текста, в основном над любовными сценами.

Алла. Взбалмошная девица. В одежде предпочитает каблуки, старомодно-ободренные джинсы начала века, что обтягивают её худые нестройные ноги, и завязанную узлом клетчатую рубашку поверх майки с логотипом. Один из заказчиков-миллениалов как-то раз в пылу негодования назвал её ванилкой. Алла — филолог по образованию и корректор по профессии. Занимается правкой наших опусов и сшивкой частей текста в единое полотно. А в основном, закинув ноги на стол, напоказ болтает по телефону, потому что на её ноутбуке «несправедливо!» ограничен доступ к отвлекающим сайтам. Из-за неё мы частенько опаздываем со сро-

ками сдачи работ заказчику. У этой девицы, как у начальника, собственный кабинет. Понятия не имею, за что ей такие привилегии.

Валентин. Серьёзный мужчина. Носит классические брюки и белую рубашку с длинным рукавом. Всячески старается скрыть своё бурное и весёлое неформальное прошлое, но татуировки морд драконов всё же предают и порой выглядывают из-под манжет. Говорят, раньше носил бороду, как у лесоруба, и курил кальян, но теперь гладко выбрит и не курит. Занимается экшн-сценами и всем тем, что с ними связано. Хотя и недавно в нашем коллективе, но его перу доверен внушительный объём текста, поэтому заслуживает уважения.

Демьян Алексеевич. Наш начальник и главный редактор. Коренастый мужичок с усами Ницше. Единственный из всей редакции, кто старше тридцати. Всегда в костюме-тройке с торчащим из нагрудного кармана золотым самопишущим пером. Интеллигентный, сдержанный, суровый. Проверяет, утверждает и отвергает то, что мы пишем. Если ему не понравился текст — молча перечеркнёт весь лист крестом. Поэтому каждый раз бросает в пот, когда он тянется к карману со своей золотой ручкой. Также Демьян Алексеевич — специалист по философской составляющей текста и по ключевой мысли всей книги. Пишет вместе с нами диалоги и внутреннюю речь героев. Объём его работы, как у Валентина и меня, самый большой.

Милана. Специалист по связям. Тихо сидит в кабинете Демьяна Алексеевича у самой двери. Одета как и подобает секретарю: строгий чёрно-белый костюм с юбкой чуть выше колена. Именно к этой девушке обращаются наши клиенты, созваниваясь по телефону, связываясь через всемирную паутину или же, что бывает редко, приходя в редакцию лично. Милана красивая, а особенно красив её голос. Похоже, по этому ключевому признаку Демьян Алексеевич и принял её на такую должность. Даже не знаю, как описать её мелодичное «Редакция «Ваше перо», здравствуйте! Меня зовут Милана, чем я могу помочь Вам?» Этот голос очень... женственный. Как у Алисы из колонки, с такой каждый играл в детстве. Милана нравится мне больше всех в коллективе. Наверное, потому что с ней почти не общаюсь, лишь изредка слышу её чудесный голосок.

Сам же специализируюсь в написании сюжета и текста. В одежде предпочитаю классику: лакированные туфли, брюки со стрелками, рубашку и жилетку. Поэтому меня и приняли за детектива. Ах, Катерина, Катрин, Кэт... ты всё так же поёшь, стоя на сцене, и совсем не смотришь на меня, сидящего на своём неизменном месте. В чём я провинился перед тобой? Этим позором, когда упал от первого же удара «противника»? Чёртов бильярд, чёртов шар, будь ты тысячу раз проклят!..

Да, этим вечером я вновь в «Авеню». Пишу, беспрестанно пишу, лишь бы не смотреть на тебя, хотя и безумно желаю встретить взгляд этих (карих? Серых? Голубых?) глаз. А может, ты тоже ловишь мои глаза, но я отрываю их от страницы не вовремя, не в тот миг, когда...

Ты закончила петь? Эти аплодисменты тебе. И цветы, и огромные плюшевые медведи с зайцами, и аккуратные коробочки с бантиком у твоих шикарных ног, и всё это дарю не я... Спускаешься со сцены. Твоё чёрное платье короче, но свободнее, чем вчерашнее, и твои движения в нём быстрые, стремительные... Куда ты? Не подойдёшь? Даже не посмотришь в мой угол? Нет?.. Почему, Катрин?..

*

Поздний вечер, почти ночь. Электронный камин искусственно трещит в стене моей гостиной. Свет — лишь от него и крохотного светильника на письменном столе. Я, сидя в кресле и завернувшись в плед, продолжаю писать мемуары.

Соглашусь с внимательным читателем, что прошлые мои записи несколько сумбурны и несвязны. Ещё в них слаба нить сюжета. Возможно, вина на мигрени, всё чаще посещающей мою несчастную голову, и на сердечных, горестных и стыдливых чувствах. Постараюсь исправить эту ошибку в повествовании и излагать свою историю последовательно. По крайней мере, настолько, насколько это возможно.

Сегодня в редакции была самая продолжительная планёрка из всех, какие я могу вспомнить. Первую половину дня до самого обеда мы: Егор, Андромеда, Валентин, Демьян Алексеевич и я, заседали в нашем крошечном конференц-зале и обсуждали, какой же всё-таки будет сага «Басня стужи и зноя».

Егор предлагал основываться на истории и мифологии народов Сибири, рассказывал о Куль-Отыре, владыке подземного мира и мира мёртвых.

— Такого ещё никто никогда не писал! — убеждал он, показывая на интерактивной доске изображения этого владыки. — Все используют славянскую, скандинавскую, греческую и другие популярные мифологии, а мы сделаем кое-что неординарное!

Валентин поддержал егорово предложение:

— А в последней книге главный герой спускается в логово Куль-Отыра, убивает всех его приспешников и самого владыку, а затем, весь окровавленный, выходит на свет божий, неся на руках освобождённую принцессу! — сказал он, раскинув руки, и я заметил выглянувшие из-под его рукавов тату драконов.

— Ну что же вы, мальчики! — возмутилась Андромеда. Во время рассказа Валентина она всё сильнее разбухала от негодования. — Зачем так кровожадно? Может, Куль-Отыр не будет таким уж злым и не стоит его убивать? У него ведь и семья, и дети, наверное... ведь все мы люди!

— Куль-Отыр — не человек. Он вымышленный герой мансийской мифологии. Тот же дьявол у христиан, — сказал умный Демьян Алексеевич, не отрывая взгляда от монитора ноутбука.

— Да, — подтвердил Егор слова начальника и, всё так же стоя у доски, лазерной указкой ткнул в лоб страшилищу, изображённому на иллюстрации. — Этого персонажа никак нельзя назвать банальным. Именно поэтому я предлагаю...

— Поддерживаю! — выкрикнули некультурные драконы Валентина.

— Предлагаю в дальнейшем придерживаться данной концепции, — продолжил чуть возмущённый этим Егор, — чтобы наша сага впоследствии не пылилась на полках книжных магазинов, а стала бестселлером...

— Сага Вергилия Магомедова, — пробубнил я и тут же получил затрещину от начальства:

— Мы готовы выслушать ваши предложения относительно сюжета, Роман, — спокойно сказал Демьян Алексеевич, прокручивая колесо мышки. Он так и смотрел в компьютер, даже прикусывал язык, когда молчал.

Я с тяжёлым вздохом поднялся и сменил Егора у доски. Тот, проходя к своему месту, ободряюще улыбнулся мне и кивнул.

— Учитывая рекомендации Егора и Валентина, — начал я, но встретил негодующий взгляд распухающей Андромеды, — и ваши, Андромеда, тоже, я предлагаю... к-хм... следующее.

Сюжет такой: 13 век, Русь. Главный герой саги Гордомунд (это имя настолько понравилось Валентину, что я даже увидел краешки крыльев его драконов, чего никогда мне не доводилось) ещё в детстве попадает в рабство к грозному монгольскому хану ДжучИ. И вот маленький раб наравне со взрослыми мужами валит лес для строительства великого города Чинги-Тура. Идут годы, мальчик крепчает, и наконец удаётся сбежать. Гордомунд, повзрослевший, скрывается в лесу (описание скитаний и битв с нечестью) и вскоре набредает на мансийское поселение (здесь вам предания и о Куль-Отыре, и о ещё каких-нибудь менквах). Встречается со старейшиной, и тот рассказывает, что раньше его племя жило там, где сейчас стоит Чинги-Тура, но пришли татаро-монголы и выгнали несчастных коренных жителей в тайгу. Бла-бла-бла, любовные сцены, размышления о судьбах народа, прочие баталии, и вот доблестный Гордомунд, собрав войско из лесных зверей, речных чудовищ и болотной нечисти, совершает

набег на город, но, увы, безуспешно. ГГ лежит в луже собственной крови, и кажется, что его уже ничто не спасёт... Конец первой книги.

— И вы думаете, что этот опус будет продаваться, да ещё и станет бестселлером? — спросил Демьян Алексеевич, наконец закрыв ноутбук, и с усмешкой в усах добавил: — Псевдоистория, где главного героя зовут *Гордомунд*?

— Ну, необязательно... — растерялся я.

— А давайте назовём его Рустам, — предложила Андромеда. — У меня есть знакомый с таким именем, очень хороший парень!..

— Так, — Начальник бросил взгляд на часы. — Андромеда, Егор — придумать имя герою и расписать его характер и личность, за основу взять исторические факты. Вечером — мне на стол. Роман — доработай сюжет первой книги и сделай скелет на всю сагу. Валентин — помоги ему. Нейросеть не использовать! Всё, обед.

Как помнит читатель, обедом я пожертвовал ради написания мемуаров. Ну а после до вечера работал над сюжетом саги Магомедова. Потом, перекусив, отправился в бассейн. Его я посещаю после каждого рабочего дня, чтобы размять суставы, заостеневшие от долгого нахождения в сидячем положении... и т.д. и т.п., главное — не превращать эти записи в обыкновенное перечисление действий.

Сразу после тренировки я поехал на метро ужинать в свой любимый ресторан. Тот находится около станции «Обсерватория» в самом центре города. Выходишь из вагона, и в глаза бросается огромное столетнее здание научно-исследовательского инновационного центра с его полусферой телескопа — ока во Вселенную. Некоторые до сих пор называют этот центр «Технопарком», чем он частично и является.

Я надеялся встретить в ресторане Катерину, поговорить с ней, всё объяснить... но, как уже говорил, она даже не посмотрела на меня.

Вышел из «Авеню» в половине девятого и побрёл по припорошенному снегом и странно безлюдному тротуару. Слева от меня на двухъярусной (один наземный, другой воздушный) трассе неслись электромобили. Их ужасные скорости совсем не пугали, ведь каждой машиной управляет искусственный интеллект. У него и реакция лучше, и знание правил движения по дороге шире. Иногда с ностальгией вспоминаю то время, когда мой чёрный Ford «1946» нёс меня в этом потоке. Да-а, теперь я работаю и зарабатываю слишком много, чтобы ездить по дорогам. Метро — вот, что диктует мне мой статус. Конечно, менее богатые горожане тоже могут воспользоваться общественным транспортом, и на них за это никто не глянет косо, но основная масса таких людей работает там, куда добираться удобнее именно на автомобиле.

Я не совсем верно описал «двухъярусную» трассу. На самом деле есть ещё третий ярус — так называемый «скорый». Он предназначен для спасателей, пожарных, полицейских, медслужбы. Используется крайне редко, было всего пара случаев, когда видел мчащуюся по нему машину экстренных служб.

Похоже, все эти описания я делаю исключительно для иногородних читателей. Но этого никак нельзя избежать, ведь моя повесть (уже не мемуары?!) не будет целостной, если я пренебрегу такими деталями.

В этот раз я прошёл мимо подъёма на свою станцию, решив прогуляться до дома пешком. Навстречу мне начали попадаться парочки, проводящие тёплый зимний вечер на украшенных к празднику улицах Града. Я поглядывал на влюблённых из-под полей шляпы и улыбался, заражаясь их радостью. Одна из девушек, держа своего суженного под локоть, проходя мимо подмигнула мне, будто бы спросив: «Сэр, а почему вы один?» Я ответил ей лишь прикрытием век.

Со всех сторон доносились радостные возгласы и смех. До нового года осталось чуть меньше недели, и счастье буквально витало вокруг, подобно снежинкам.

Мой путь пролегал через Текутьевский бульвар. На бульваре было много гуляющих, всё молодые парочки. Похоже, здесь проводили конкурс на самый новогодний поцелуй. Центром притяжения оказался памятник восседающему на троне Текутьеву. Не его голову какой-то шутник водрузил красный тряпичный колпак.

Я проходил мимо карликовых ёлочек, ростом чуть выше моего. Их пышные ветви опутали гирлянды. Гирлянды сияли всеми возможными цветами, и это завораживало. Мне даже захотелось немного посмотреть на переливы красок, взрывы огней, вальс колора, и я присел на ближайшую лавочку.

До меня донеслась заводная мелодия, и кто-то звонко запел:

— *И-и-и уносят меня, и уносят меня*
В звенящую снежную даль
Три белых коня (эх!) три белых коня —
Декабрь и Январь и Февраль!
(Л. Долина)

У дальней ёлочки я увидел странный силуэт. Силуэт, приплясывая, приближался. Сначала подумал, что это человек — заметил на его голове фетровую шляпу, — но скоро понял, что вижу бронзового андроида-дворника. Из динамика на месте его рта всё так же доносилась музыка и голос.

Движения андроида были почти что естественными — инструментом, похожим на метлу, он сметал снег с бордюра. На каждом зимнем месяце его задорно покачивало то в одну, то в другую сторону, отчего казалось, что он вместе со всеми горожанами тоже радуется наступающему празднику.

Подойдя ближе, андроид прекратил петь и обратился ко мне «лицо». Похоже, заметил, что я смотрю на него.

— Добрый вечер, сэр! — сказал он, взявшись свободной от метлы рукой за шляпу.

— И тебе не болеть! — кивнул я с усмешкой.

— Я не смогу заболеть, — проговорил андроид, как иностранец растягивая слова, — ведь у меня есть шляпа. — Он указал суставчатым пальцем на свою голову. — Это подарок молодой мисс.

Только теперь я заметил, что шляпа женская, и даже не женская, а девичья: сетчатая и с розовым бантом на боку. Такие одевают лишь в жаркую погоду. Видимо, дворник носит её с самого лета.

— Надеюсь, я вам не мешаю? — спросил он, продолжая смотреть на меня окулярами, когда как его метла усердно работала.

— Никак нет, — ответил я. — Садись рядом, поговорим.

— Из-ви-ни-те, — произнёс андроид, — мне нужно выполнять свой трудовой долг. Всего хорошего!

— Счастливо! — рассмеялся я. — С наступающим!

Дворник, вновь запев чужим голосом, начал удаляться. Я проследил за ним взглядом, за его кокетливо скошенной шляпкой и вспомнил о вчерашнем подарке Петра в «Авеню». Стоит передарить ту белую шляпу этому весельчаку-работяге.

А снег всё шёл. Он падал на пустое место лавки, и когда его набралось много, я провёл ладонью и собрал крошечный снежок. Он почти сразу растаял, оставив на коже мокрый холод.

Да-а, такой чудесный вечер никак нельзя провести в одиночестве. Если бы Катерина была здесь... нет, не стоит и думать об этом. Ведь она — богиня. Та, за чью улыбку поклонники готовы на любое сумасбродство. Но почему же вчера она обратила внимание именно на меня? Я ведь не оказывал ей абсолютно никаких знаков флирта, кроме восхищённого взгляда... Тем горче осознавать, что наше свидание закончилось таким нелепым образом. Ах, чёрт, при одной лишь мысли об этом ушибленное место начинает пульсировать болью. Неужели пущенный со

второго этажа бильярдный шар может своим ударом довести до обморока? Ни за что бы не поверил, если б сам не...

Рядом раздались чьи-то шаги, но я не стал отвлекаться от размышлений и изучения собственных туфель. На их мысках медленно таяли снежинки. Я даже не сразу понял, что цокот каблуков принадлежит женским сапожкам.

Она явно шла к той самой лавке, где сидел мечтательный и романтичный, чуть припорошенный снегом Роман Снеговой. Ах, если бы он знал — если бы я знал, кого сейчас увижу!..

— Добрый вечер, Роман, — раздался её прекрасный голосок. — Вы не будете против, если я...

Я поднял голову и улыбнулся.

Глава 2

— Да, конечно! То есть — нет, не буду против. Ваша компания мне очень приятна, Милана.

На эти слова девушка мило улыбнулась и неуверенно глянула на запорошенную снегом лавку.

— На самом деле я шла домой. Может, лучше...

— Да, с удовольствием провожу вас. — Я встал, как можно элегантней отряхнулся от снега и как можно уверенней посмотрел на Милану. Та поправила воротник длинного строгого пальто, украшенного ромбовидной клеткой и покроенного так, чтобы подчёркивать все достоинства фигуры, пальчиком чуть тронула шляпку с широкими неравнозначными полями и небольшой косой вуалью и робко шагнула в мою сторону — послышался тихий цокот высоких каблуков её сапожек.

Мы не торопясь пошли по бульвару. Милана смущённо улыбалась, опустив глаза, а я украдкой с интересом поглядывал на неё. Её лицо в золотом свете фонарей казалось красивее обычного: острый подбородок, скромные губки, аккуратный носик, пышные реснички... Чуть прикрытое вуалью, оно было таинственным, загадочным... и мне захотелось узнать его секрет.

— Милана, — сказал я. — А почему вы одна и так поздно?..

— Я была у подруги, — ответила девушка, чуть наклонив голову и глянув на меня (о, какой это был взгляд!) — Она живёт здесь, недалеко.

— А где живёте вы?

— Через два квартала отсюда. — Милана указала подбородком куда-то вперёд. — Квартира на двадцатом этаже.

— Вас, наверное, ждут, беспокоятся...

Милана хихикнула и хитро глянула на меня. Это было так мило, что я не смог сдержать улыбки.

— Мой кот слишком ленив для того, чтобы переживать обо мне, — сказала девушка.

Кот? Она и вправду имеет в виду кота, или так ласково называет своего мужчину?

— А как зовут вашего... кота? — поинтересовался я.

— Маркиз, — ответила Милана и, добавив «де Карабас», звонко рассмеялась.

Я усмехнулся, оценив её юмор, и пробормотал:

— Всё-таки кот...

— А где вы будете праздновать новый год? — неожиданно спросила девушка.

— А-эм... — опешил я. — Думаю, как обычно: в «Авеню». У меня там столик...

— Значит, вместе с дамой... — прошептала Милана, но я опроверг её поспешный вывод:

— Нет, один, — сказал я, уверенно взглянув на девушку. — Но если кто-нибудь составит мне компанию...

Текутьевский бульвар закончился. Мы перешли по светофору на соседнюю улицу и направились дальше. Справа от нас почти бесшумно проносились электромобили, над ними по рельсовой эстакаде проплывал состав метро. Из динамиков на фонарях доносилась приятная джазовая мелодия, играл саксофон. И медленно, в такт музыке, падал снег.

— Вы не против? — спросил я, доставая трубку.

— Нет, что вы, — сказала Милана, с подозрением глянув на предмет в моей руке. — Дымите на здоровье.

— Не на здоровье, конечно, — проговорил я, выпуская черешневый пар, — но в удовольствии.

Девушку смутила эта фраза — я заметил появившийся румянец на её бледных до этого щеках. И тем не менее она спросила:

— Вы когда-нибудь пробовали настоящий табак?

— Нет, — ухмыльнулся я, держа трубку в уголке губ. — Это же запрещено.

— А я пробовала...

Даже закашлялся от удивления.

— Милана! Никогда бы не подумал, что вы...

— Давай на «ты», — с улыбкой сказала девушка и остановила меня, взяв за рукав. Я повернулся к ней и посмотрел в хитро сощуренные глаза. — Я же шучу! — засмеялась она и неожиданно прильнула к моей груди. — Ты такой доверчивый, Рома...

Я смущённо кашлянул, но всё же ответил на объятия Миланы (в то мгновение, когда мои руки тронули её плечи, она вздрогнула и коротко вздохнула, словно именно этого желала весь прошедший вечер).

— Мой дом следующий, — сказала она, подняв на меня глаза. — Девяносто второй.

— Идём? — Я ободряюще улыбнулся.

Девушка медленно отстранилась, и я почувствовал в своей руке её руку. Тут же ощутил, как краска начала заливать лицо.

Такого поворота я не ожидал и даже не допускал в самых смелых грёзах. Неужели девушка... сама... без цветов и подарков... без свиданий... да ещё и так быстро?..

— Ты живёшь в «Муравейнике»? — Только сейчас я понял, куда ведёт меня Милана.

— Да, — ответила она. — Чудесно, правда? Только не называй его так. — Она чуть надула губки, будто обидевшись. — Ты посмотри, какой он красивый!

И правда: «Муравейник», как называют его горожане, после недавней реконструкции выглядел впечатляюще. Мало того, что обзавёлся огромными голубыми витражами, где днём отражаются облака, а ночью — городские огни, так ещё и вырос почти в два раза. Всё, что осталось от четырнадцатизэтажной коричневой махины периода застоя, так это волнообразная форма фасада.

— Нам сюда! — Она потянула меня в ближайший двор. Тот был так же ярко освещён, как и улица, где мы недавно шли. Впереди на детской площадке, тонущей в золотых лучах фонарей, стоял небольшой замок, построенный из ровных ледяных глыб. Сквозь прозрачные стены было видно, как внутри двигаются маленькие тени. До слуха доносились радостные крики и смех.

— Красиво у вас здесь, — сказал я, убирая трубку в карман. — А в моём дворе — большая ледяная горка. Симпатичная, между прочим. Местный скульптор очень постарался.

— Было бы интересно посмотреть, — сказала Милана, стрельнув в меня взглядом. — А вот и мой подъезд.

Мы остановились у крыльца. Девушка повернулась ко мне и заглянула прямо в лицо. Я увидел её ангельские голубые глаза, чуть скрытые вуалью, и понял, что эти глаза просят поцелуя. Я бросил взгляд на её чуть разомкнутые блестящие губы, приблизился, ещё... и вдруг почувствовал запах алкоголя.

— Милана! — удивлённо воскликнул я, выпрямляясь. — Вы что, пили?

— Если только чуть-чуть. — Девушка застенчиво улыбнулась и виновато опустила взгляд. — С подружками... — И вдруг неожиданно спросила: — Рома, может, поднимемся ко мне? Поужинаем? Я такую курицу приготовила...

Это предложение не особо удивило меня, до сих пор ощущавшего тепло руки девушки, и я уже хотел с готовностью ответить, как почувствовал вибрацию мобильного.

— Извини, — сказал я, высвобождая руку и извлекая из кармана телефон. Звонил сам хозяин «Авеню» Павел.

— Роман! — раздалось в трубке. — Извините меня за то, что беспокою в столь поздний час, но вы забыли у нас свой блокнот. Не переживайте: всё в полной сохранности. В противном случае я, как ответственное лицо, обязуюсь возместить...

— Хорошо, Павел, — ответил я, левой рукой проверив карманы и убедившись, что блокнота действительно нет. — Сейчас же забегу.

Отключив разговор, я наткнулся на разочарованное лицо Миланы. Но мне ничего не оставалось, кроме как извиниться, пообещать, что в следующий раз обязательно загляну, и поспешно ретироваться в направлении ресторана.

*

И вот я дома, провожу бессонную ночь за написанием этих строк... и всё думаю о тебе, моя Катерина.

Я бы прямо сейчас сорвался к тебе, ведь так жажду увидеть... Но эта проклятая работа — на неё ехать уже через пару часов — эти ненавистные дела, какие-то обязанности... и ведь всё это пшик, бессмыслица, глупость в сравнении с тем, что я чувствую к тебе, в сравнении с тем, что творится в моём сердце. Я вспоминаю тебя.

Вспоминаю твой голос. Он ласкает слух, и нет прекрасней ничего, чем слышать его... Будто кристально чистый ручей, будто щебет райских птиц, будто... нет, это несравнимо. Я влюблён в твой голос.

И глаза. О, этот изумрудный (!) омут, в них сама бесконечность. Хочется смотреть в них, хочется видеть в них отражение собственных глаз, так близко, ближе, ещё... Я влюблён в твои глаза.

И губы. Они притягивают, и хочется прикоснуться к ним своими и почувствовать твою медовую сладость... Но это всё лишь мечта. Я влюблён в твои губы.

И руки. Они так нежны, я знаю. Хочется приложить твою ладонь к своей щеке, почувствовать прохладу, ласку, любовь... и хочется просто держать твою ладонь в своей, чувствовать, что ты рядом... и не отпускать. Я влюблён в твои руки.

Я влюблён в тебя, Катрин. Твоё имя ласкает мой слух. Ка-трин. Имя прекрасной нимфы. Нет любимей его. Произношу быстро, медленно, нараспев, по слогам... что-то происходит в сердце моём при первом же слоге. Ка. трин...

*

Я рассказывал, что кроме дневника пишу рассказы. Считаю их научно-фантастическими, но мои беты (пара бывших одноклассников, кому отправляю тексты почитать) уверяют, что это просто фантастика. Не в смысле, что очень хорошо, а в смысле, что научного в них ничего и нет!

Не согласен. Поэтому решаюсь, наконец, представить своё творчество широкой публике, чтобы подтвердили: это твёрдая НФ! И вот — мой первый рассказ, называется «Слава СССР!» Его, на минуточку, в своё время взял журнал «Фантастический мир». Правда, только в литературное приложение. Приложение это можно увидеть на их сайте. В самом журнале есть ссылка на сайт. Вот так всё запутано, поэтому не удивлюсь, если никто не читал.

Рассказ этот, как и все остальные, сначала мне приснился. А сны мои — как реальность, даже реальней самой реальности, и в них я главный герой. Порой, проснувшись, долго отхожу, не могу понять, где нахожусь... и потом сижу и записываю по горячим следам.

В общем, вот:

Слава СССР!

ПРОМПТ:

Жанр: рассказ;

Направление: научная фантастика;

Сюжет: Подросток угоняет космический байк своего брата и попадает на странную луну газового гиганта, где роботы миллиарды лет строят коммунизм.

*

«Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединённых, использующих передовую технику рабочих».

В. И. Ленин

— Сколько можно! — кричит мать. — Посмотри на брата: уже семь планет завоевал! Зарабатывает, отцу помогает, а ты опять экзамен завалил! Бездельник и балбес!..

— Ой, ма, прекращай, — равнодушно говорит Ромка, уголком губ посасывая из трубочки коричневатый густой коктейль. — Сдам я эту планетологию, чего там...

Он сидит в удобном чёрном кресле, закинув скрещенные ноги в подкованных башмаках на прозрачный стол. По столу бегают голограммы крохотных человечков. Они прячутся за призрачные укрытия, стреляют из лучемётов, перекатываются, ползут, вскакивают и идут друг на друга в рукопашную.

— Сдашь ты... — Мать стоит в дверном проёме, уперев руки в бока. Чёрный с ломаной красной линией халат обтягивает её футляром. Насупившись, мать смотрит на профиль сына.

— Сдам! — отзывается Ромка и вновь натягивает наушники. В мозг врзается любимая грохочущая мелодия, хриплый голос завывает.

— Как ты сдашь, если снова ничего не учишь?! Вот расскажу отцу, так он тебе... — Мать, поняв, что сын не слышит, замолкает, закипает.

Бормоча «Ни во что мать не ставишь» и «Кого я только родила» она подходит к столу, проводит над ним рукой, и поле боя растворяется. Ромка поднимает на неё удивлённый взгляд. Видит, как сверкают острые глаза, как шевелятся напряжённые губы, и ему кажется, что хриплый голос певца доносится из-за них.

Голос под звон железа и глухой стук переходит в душераздирающий вопль, но резко замолкает — мать срывает с головы сына наушники и швыряет их об стену. От неожиданности Ромка дёргает рукой со стаканом — коктейль проливается на белую с орнаментом футболку, капли летят на серые штаны с тучей карманов.

— Какого... ты меня не слушаешь?! — вопит мать, да так, что звенит в ушах.

— Ма, ну чего ты... — говорит сын, ставя стакан и пытаясь оттереть жидкость с одежды.

— Твой наставник! — продолжает мать, не убавляя звук. — Говорил! Что ты самый бездарный ученик! Что место тебе! в шахте на отцовской планете!

— Не прочь достать немного алмазиков на новые наушники, — с усмешкой говорит Ромка, встаёт и тут же звонко получает ладонью по уху. В негодовании оборачивается, смотрит на мать. Та испуганно и удивлённо глядит на свою руку, будто та сама, не по её желанию...

Внутри Ромки начинает что-то закипать. Оно скребётся в груди, поднимается и обжигает горло. Затем неведомо как перескакивает на глаза.

— Ну, знаешь... — говорит он надломленным голосом и вылетает из комнаты, оставляя растерянную мать. Всё пытается оттереть эту коричневую дрянь, но та въелась, как краска. Чёрт, и за чистой футболкой теперь не вернуться...

Ромка идёт по коридору. В глазах всё ещё жжёт, а в горле словно застрял гранёный алмаз. Вот же... ударила. Меня! Сына ударила! Отец себе никогда такого не позволял!.. к нему поеду. Тоже мне мамаша: шлялась по орбитальным барам пятнадцать лет, и тут видите ли явилась,

по сыновьям соскучилась, воспитанием заняться желает... да и с той механической нянькой неплохо было: хоть и тоже заставляла учить, но не визжала и не размахивала руками... Всё, к отцу.

Двор с голубым газоном. Справа круглый бассейн, наполненный фиолетовой жижей (мамаша омолаживается), а слева — космический байк брата. На железном корпусе рисунок лежащей голой женщины в натуральную величину, интимные места прикрыты шипастым растением с красными бутонами. Ромка подходит, приказывает поднять прозрачный купол, но машина не реагирует. Тогда, оглянувшись на дом, достаёт из кармана басовик, — подарок брата — вновь оглядывается. Мать стоит в окне, приложив ту самую руку ко лбу. Её губы вновь шевелятся, но уже как-то безвольно. Ромка крутит в басовике, пристраивает его на шее — как раз там, где стоит комом уже почти рассосавшийся алмаз обиды. Вновь приказывает байку, но теперь грубым голосом брата. Система попадает на уловку, и купол откидывается назад, обнажая рифлёное сидение. Ромка заскакивает на него, приказывает закрыть. Вновь глянув на дом, видит, что в окне уже никого нет.

Так, алмазная планета. Как же тебя... M103? H210? Ч-чёрт...

Краем глаза замечает открывшуюся в доме дверь, всклокоченную мать на пороге. С мыслями «А-а, в космосе разберёмся», тыкает на первую попавшуюся в списке планету.

— Маршрут построен, — раздаётся приятный женский голос Системы байка. — Удачного полёта.

Космобайк поднимается над землёй, разворачивается и с ускорением уходит в космическое пространство.

Ромка на орбите. Под ним — синяя, будто без единого кусочка суши планета. Но он лишь раз смотрит туда — байк подлетает к одному из орбитальных телепортов.

— Назовите идентификационный номер, — раздаётся стальной мужской голос.

Ромка вздрагивает.

— Эм, номер?.. — растеряно спрашивает он голосом брата.

— А-а, Валя! Как это я сразу не узнал твой байк. — Голос теряет свою серьёзность. — М-м, как там завоевания?

— Ничего, работаю, — отвечает Ромка, смутившись. На том конце довольно смеются.

— А как там с этой... с Миланой? Ты её уже того?..

— Чего? — Теперь Ромка по-настоящему смущается. — Эм, ну да, того...

— Ясно, дружище. — Голос становится самодовольно-бархатистым. — Куда путь держишь? И что там насчёт номера?..

Байк уже подлетел к телепортационной установке. Работник — видимо, по старой памяти — тут же открывает круглый люк.

— Номер... — говорит Ромка, шаря глазами и руками по панели. — Сейчас перешлю...

— Что это ещё за шутки. — Голос смеётся. — Давай-ка, дружище, называй. Правила у нас такие: без номера мы ни туды и ни...

Ромка находит что-то на сенсорной панели, нажимает. Вопль рока под звон металла врывается в кабину.

— Что за?! — взвизгивает голос, еле перекрикивая музыку.

Байк проходит через люк и врывается в серебристый свет телепорта.

Вокруг — тьма подпространства. Ромка, отключив вопящую музыку, вглядывается в стекло перед собой и видит испуганного мальчишку со сбитой набок белой чёлкой и с вздёрнутым носом. Тут же хмурит брови, старается стать серьёзным, даже суровым. Как отец. Он нерушимый пример для сына: высокий, добрый, сильный... Лет пять назад брал с собой на работу. Вёл, держа за руку, по гигантскому помещению своего завода по обработке алмазов. Все работники, завидев начальника с сыном, вытягивались по стойке смирно, выпучив глаза. Во, как выдрессировал. Великий человек!

Бизнес отца с того времени особо не вырос: всего лишь одна крохотная планета, две сотни месторождений, десять тысяч человек в подчинении... но прибыль от добычи алмазов приличная. Эти камни ценились во все времена, а особенно стали драгоценны сейчас, после открытия в них каких-то там энергетических свойств. В общем, деньги в семье в последнее время водились немалые. Поэтому-то и вернулась мамаша...

«Временный телепорт смоделирован», — звучит женский голос, и Байк выныривает в космос. Ромка от неожиданности хватается за подлокотники. Звёзды надвигаются, пролетают мимо, и кажется, что вот-вот врежешься в одну из них. Впереди стремительно увеличивается красный диск звезды. От страха столкновения Ромка вжимается в спинку сидения, но байк сворачивает к одной из планет. Та уже не так быстро растёт — скорость с каждой секундой уменьшается.

— Планетная система 2014-МФ, звезда — красный гигант, вокруг обращается четыре планеты — газовые гиганты, — сообщает голос байка.

Это куда ж занесло?..

Оранжевая планета всё ближе, и уже можно различить красные, коричневые и белые полосы параллельно экватору. Вокруг — плоское жёлтое кольцо. Огромный красный овал в южном полушарии. Видимо, шторм.

Четыре планеты... газовых. По закону симметрии должно быть ещё столько же твёрдых. Видимо, старая звезда уже поглотила пригодные для цивилизации или те сами на неё упали. Вот, уроки планетологии!..

Планета завораживает. И правда — гигант. Становится заметно неравномерное движение разноцветных полос на поверхности, шторм вращается против часовой. Кольцо-пояс идёт вслед за экваториальными полосами. Оно узкое и далеко от поверхности планеты.

— Планета 2014-МФ-1, — сообщает байк. — Газовый гигант. Имеет 63 постоянных спутника. Экваториальный радиус 69 тысяч километров. Масса 1 898,6 на 10 в 24-й степени килограмм. Площадь поверхности...

Подобных планет миллионы в галактике, но Ромка в первый раз видит такую вблизи. Грудь переполняет восторг, затекающий через полуоткрытый рот. И почему он раньше не любил планетологию?..

— ...Первичный анализ атмосферы в массовом соотношении, — всё говорит байк, — водород: 80%, гелий: 20%. Обнаружены соединения серы, фосфора, аммиака...

— Стоп, — прерывает Ромка, и надоедливый женский голос вмиг замолкает. Парень вздыхает, выкручивает музыку на максимум.

Уже видно спутники: чёрная точка на оранжевом фоне и по одному светлому справа и слева от планеты. Автопилот байка ведёт к самому крупному — тёмно-коричневому с серыми пятнами кратеров разного размера.

Когда спутник уже совсем близко, Ромка командует двигаться по орбите триста километров над поверхностью. Сейчас он на светлой стороне, и снизу проносятся огромные пустынные равнины, то тут, то там исчерченные бороздами; длинные хребты гор порой прерываются светло-серыми кратерами, ущельями, уходящими глубоко в кору. Вот байк подходит к теневой стороне — красная звезда прячется за горизонтом позади, а впереди оранжевый диск гигантской полосатой планеты.

«Ничего себе глыба, — думает Ромка про спутник, в мыслях перебивая назойливого певца, всё рвущегося навязать слова песни. — Жаль, что бесполезная. Брат на такую даже не посмотрит: ему нужны цветущие, с атмосферой и водой, а ещё лучше — заселённые аборигенами. Такие интереснее завоёвывать».

Замечает в сумерках ночной стороны мелькнувший красный огонёк. «Метеор», — приходит мысль, но Ромка сразу понимает, что в безвоздушном пространстве взрыва с огнём быть не может. Выключает музыку и просит байк рассказать о планете.

— Планета 2014-МФ-1, газовый гигант...

— Да нет же, чёрт возьми! — в раздражении кричит парень. — Про эту расскажи! Про спутник!

— Объект 2014-МФ-1-7, спутник планеты 2014-МФ-1, — бесстрастно говорит байк. — Экваториальный радиус 2 634 километров. Масса 1 482 на 10 в 20-й степени килограмм. Площадь поверхности 87 миллионов квадратных километров, население...

— Температура и химический состав, — приказывает Ромка.

Перебитый байк замолкает, затем выдаёт:

— Средняя температура поверхности 210 кельвин. Крайне тонкая разреженная атмосфера. Около 25% спутника состоит из льда и внутренней воды. Наличие магнитосферы указывает на жидкое ядро, богатое железом...

Свист врзается в уши, но сразу стихает, становится мерным шелестом.

— Обнаружен искусственный источник электромагнитных волн, — сообщает байк сморщенному и ковыряющему мизинцем в ухе Ромке. — Идёт перехват сообщения.

Шелест сменяется громким мужским басом. Говорят на неизвестном Ромке языке: рычащем и грозном.

— Переведи, — говорит он байку, но тот отвечает, что это невозможно ввиду нехватки данных о языке. Система сможет заняться дешифровкой только после длительного прослушивания радиосообщений.

— Ручное управление, — командует Ромка и кладёт кончики пальцев на панель.

Сделав руками вправо, разворачивается, начинает снижение.

Откуда на этом булыжнике передатчик? Может, это вызывает помощь потерпевший крушение космический корабль? Тогда не оставим братьев по разуму в беде! Летел к отцу, а попал в приключение... А если Ромка действительно сейчас спасёт звездолётчиков? Тогда слава неминуема. В имперских новостях напишут: «Спасатель Роман выручил целую межзвёздную экспедицию!» Отец будет несказанно горд.

Космобайк несётся в двух километрах над поверхностью, и тут из-за горной гряды показывается высоченный шпиль, вмиг развеяв мечты Ромки спасти потерпевших крушение. Шпиль чёрной иглой вонзается в космос, ближе к верху становясь всё тоньше. На его макушке мигает красный огонёк. По мере приближения усиливается писк, перебивает непонятную речь. Ромка активирует фильтр частот. Писк в эфире прекращается.

Башня из тёмно-синего металла в километре от байка. Она возвышается неравными высокими ступенями, те обрываются под углом. Её основание — метров пятьсот в диаметре — уходит вглубь спутника.

Приблизившись вплотную, Ромка останавливается на краю обрыва. Провал разделяет скальную поверхность и стёны башни. Байк облетает сооружение, по спирали поднимается доверху, затем спускается. Конструкция монолитна. Нет ни единого шва между ступенями. Нет и люков, иллюминаторов, дверей. Но шпиль явно работает — даже при активированном фильтре частот в эфир прорывается мерный треск.

Кто же возвёл это сооружение? Неужели спутник уже колонизирован Империей? Но тот странный язык... Невероятно! На этом булыжнике есть неизвестная технически развитая цивилизация! Странно, что на орбите нет искусственных спутников... Отец будет гордиться! Первая полоса завтрашней ленты имперских новостей: «Юный исследователь космических просторов нашёл затерянную цивилизацию на засыхающем от жара красного гиганта спутнике!» Ну, мамаша, кто теперь твой любимый сын?..

Только неясно: где же люди или братья по разуму? Да и как они живут в таких ужасных условиях? Ладно, запас воды на спутнике есть, в крайнем случае можно растопить лёд, но кислород, еда... или они уже научились их синтезировать? А может, на поверхности когда-то

была атмосфера и цвела жизнь, но тут звезда начала разбухать, всё выжигать, и цивилизации пришлось спуститься под землю со всеми фермами, полями...

Байк стоит на обрыве перед шпилем. Теперь ясно, что вся жизнь там, внизу. Не колеблясь, Ромка направляет машину в провал. Темнота смыкается за спиной.

Автоматически включается круговое освещение — по периметру байка загораются золотистые полосы ламп. Дна не видно. Лишь ровные отвесные стены справа и слева. Парень замедляет ход, опасаясь столкновения, но провал всё не кончается.

Нарастает напряжение. Былой энтузиазм пропадает. Что ждёт там, внизу? Может, эти затворники не захотят выходить на контакт? Нужно бы поговорить с ними по связи, но как, если Система всё ещё не распознала язык? Ждать целый час, пока дешифрует? Ну уж нет.

Стена справа заканчивается, и байк падает в темноту. Что это? Грот? Внизу — зелёные огни. Сначала их немного — по одному в разных углах. Но чем дольше вглядываться, тем их загорается больше.

Фосфоресцирующие организмы? Но как они живут здесь без кислорода?

Байк всё спускается вдоль стены башни. Ромка удивлённо смотрит по сторонам. Город. Гигантский, необъятный. Высоченные чёрные здания теснятся, громоздятся друг на друга. По ним пробегают волны бледно-зелёного света, очерчивая контуры. Все здания имеют такую же ступенчатую архитектуру, что и у башни, только крыши их плоские. Стоят невозможно тесно, будто замёрзшая толпа, перемигиваются вспышками ламп.

Ромка приходит в себя, снижается до уровня улиц. Монолитные здания мелькают по сторонам, всё вырастая. И вот они сплетаются между собой в вышине, нависают потолком.

Странно, но улицы пусты. Абсолютно. Нет ни одного мобильного средства, ни одного прохожего. Всё недвижимо. Всё застыло, окутанное космическим холодом. Лишь бледно-зелёное перемигивание.

Город вымер? У людей закончился кислород? А может, произошла разгерметизация?..

Помимо пустоты что-то ещё настораживает Ромку. Что-то изменилось. Спустя время понимает — в кабине байка ни звука. Нет ни инопланетной речи, ни треска от башни. Из-за вакуумной тишины ощущается такое одиночество, что в груди всё сжимается. Ромка за тысячи световых лет от дома в почти умершей планетной системе: её звезда уже бьётся в последних конвульсиях. И этот странный безжизненный город...

Ромка тянется к панели, чтобы включить музыку, но зычный возглас заставляет чуть ли не выскочить из кресла. Тут же вокруг начинается движение. Чёрные массы выходят из зданий, единым строем плывут по улицам, сталкиваются, впиваясь друг в друга, смешиваются... Люди. Тысячи людей. Ромка висит над их головами, заглядывает вниз через стекло байка, пытается рассмотреть.

Все, как один, в чёрных скафандрах. Головы обтянуты металлом, ребристые трубки из затылков, висков и лиц сплетаются, пропадают под балахонами. На спине у каждого — большое прямоугольное устройство.

«Баллон с кислородом», — догадывается Ромка.

Толпа растворяется в зданиях так же неожиданно, как и появилась. Улицы пустеют, и вот последняя вереница втягивается в чёрную стену. Город вновь застывает, а Ромка выходит из ступора.

— Эй! — кричит он. — Куда вы!

Байк опускается и, паря в двадцати сантиметрах над землёй, начинает шнырять по улицам. Но людей как ни бывало, и молчаливые монолиты будто в незнании пожимают ступенями. Что? Какие люди? Здесь такое не водится, уж извини.

— Чёрт! — раздосадовано говорит Ромка, ударяя ладонью невинную панель.

Неужели не заметили его? Ведь висел прямо над ними. Что, нельзя было поднять голову?! Прилетел из другого конца галактики, и такой равнодушный приём!.. А может, они не могут смотреть вверх? Может, конструкция скафандра не позволяет?..

Байк несётся по одинаковым улицам и переулкам. Странно, как население ориентируется здесь? Вокруг нет никаких обозначений, названий, указателей... встроенные в шлем навигаторы?

Спустя минут десять Ромка замечает в конце очередной улицы движение, мигг покрывает разделяющее расстояние. Плотный строй людей переходит из одного здания в другое. На инопланетный корабль никто не обращает внимания. Станные люди смотрят лишь перед собой и мерно, с одной и той же скоростью шагают, дёргано переставляя ноги.

— Да что же вы... — Ромка находит на панели нужный треугольник, несколько раз жмёт, но даже мигание золотистых ламп байка не привлекает внимание этой тупо идущей толпы.

В кабину вновь врывается непонятная речь, но теперь сопровождаемая странной ритмичной музыкой. Совсем не похоже на любимые песни Ромки, тут как-то примитивно...

— Дешифровка, — звучит голос Системы байка поверх мужского, рычащего под простенькую мелодию. — Пятьдесят процентов.

— Быстрей, быстрей давай! — говорит Ромка, в нетерпении стуча пальцами по панели.

Тут толпа начинает редеть, и тогда Ромка решается. Заметив небольшой разрыв между шеренгами, он вводит туда байк, ставит клином течению. Люди останавливаются. Чёрные линзы их окуляров приходят в движение, вращаются то по часовой, то против. Под торжественные аккорды Ромка, привстав и подавшись вперёд, радостно и доброжелательно разводит руки, словно пытаясь всех обнять. Коричневое пятно от пролитого ещё дома коктейля растягивается на животе в виде кривоватой улыбки.

Медленно, смотря только вперёд, поток людей разбивается на два, обходит байк справа и слева. Через минуту улица вновь пуста.

Песня стихает. Руки Ромки безвольно висят вдоль тела. Равнодушие. Тупое и непробиваемое рав-но-ду-ши-е.

В голову приходит мысль: а что, если это лишь рабочие? Обычные трудяги? Они ж только и знают, что всю жизнь выполнять свои обязанности, питаться и спать? Тогда есть кто-то, кто ими командует, правящая верхушка, элита общества. Не с теми Ромка пытался наладить контакт, нужно найти правительство! Но где же оно?

Ромка машинально поднимает байк на уровень крыш. Правящая верхушка. Значит, наверху. Небожители. Но какие небожители под землёй?.. Смеясь над своей глупой идеей, Ромка вновь опускается на улицу. Справа замечает движущуюся толпу. Тут глаза парня округляются, и он раздосадовано шлёпает себя по лбу.

Конечно! Как же раньше это не пришло в голову!

Байк подлетает к бездумно шагающей толпе, вклинивается в одну из колонн, аккуратно потеснив людей. Впереди — стена. И передние ряды странным образом пропадают в ней. Невидимый проход?..

Стена совсем рядом, и вот уже Ромка готов преодолеть её, как все идущие рядом, но байк упирается «носом» в твёрдое.

— Какого?! — выкрикивает Ромка. Его негодованию нет предела.

Что это за технология?! Своих пускаю, а чужих нет?!

Раздаётся голос Системы:

— Дешифровка окончена.

— Переводи! — кричит Ромка, наклонившись над панелью и выпучив глаза.

— Первое перехваченное сообщение: «Без труда не выловишь и рыбку из пруда. Терпение и труд всё перетрут...»

— Что это за стишки? — разочарованно спрашивает парень, откидываясь на спинку кресла.

— Делу время, потехе час, — продолжает байк. — Дело мастера боится...

— Хватит, — говорит Ромка. — Второе сообщение.

— Товарищи! — картаво вскрикивает байк резким и визгливым голосом. — Революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, свершилась!

Что ещё за революция? Надо бы заглянуть в электронный архив, если он здесь есть...

— Учиться, учиться и ещё раз учиться! — надывается Система.

— Хватит, — командует Ромка. — Здесь есть база данных?

Картавый голос стихает, не успев рассказать, кому же следует отдать фабрики. Недолгая тишина, и байк сообщает:

— Доступ к архиву получен. Полный перевод произведён. Первая запись.

На побелевшей панели появляется текст. Ромка читает: «В 1973 году космический аппарат «Пионер-10» стал первым в истории, изучавшим Ганимед. Уже тогда правительство СССР (видимо, понадеявшись на знание читающего, аббревиатуру не расшифровывали) задумывалось о колонизации данного спутника Юпитера. После многочисленных неофициальных и официальных миссий к этому небесному телу, Верховный Совет издал указ о включении спутника в список подлежащих колонизации. Из речи председателя комитета по межпланетной политике В. А. Павленко: «Американцы колонизируют Луну, а мы, великая и могучая держава, возьмём планку выше: заселим спутники Юпитера!» Многие научные институты больше десяти лет занимались проблемой колонизации, и наконец в 1986 году к Юпитеру были отправлены межпланетные космические корабли...»

Ромка пролистал сразу двадцать страниц: «...За три пятилетки они должны создать все условия для комфортного проживания человека на Ганимеде. Ввиду отсутствия на спутнике атмосферы, а соответственно и защиты от метеоритов, города будут находиться под поверхностью. Магнитное поле защитит от солнечной радиации. Энергия будет браться из ядра планеты, а горные породы послужат материалом для строительства. Также спутник почти наполовину состоит из льда. Его можно растопить, получив воду, а из неё кислород. Ведь всем нам известно: где вода, там и жизнь!..»

Парень листает всё дальше и натывается на дневник колонии: «Год 2104. Строительство завершено 103 года назад. Связь с Землёй оборвалась 98 лет назад. Выполняется последняя полученная команда: продолжать строительство коммунизма». Ромка пропускает тысячу страниц: «Год 560 441. Строительство завершено 558 440 лет назад. Связь с землёй оборвалась 558 435 лет назад. Выполняется последняя...» Листает пять тысяч страниц: «Год 2 791 685. Строительство завершено...» Открывает последнюю запись: «Год 5 437 335 340...»

Ромка ошеломлённо моргает.

— Песню ту переведи, — тихо говорит он.

— Вольный перевод. Музыка оригинала, — сообщает Система байка и басом в ужасной трещащей записи поёт:

— *Как много девушек хороших,
Как много ласковых имен,
Но лишь одно из них тревожит,
Унося покой и сон, когда влюблен...*
(В. Лебедев-Кумач)

Ромка, держась за подбородок, внимательно слушает.

Пять миллиардов лет. Планета Земля — о ней говорится в записях — уже наверняка уничтожена со всем её населением. А человечество СССР, видимо, так и не прибыло сюда. Кто же тогда эти?..

— Товарищи! — вскрикивает байк картавым голосом, заглушая песню. — Союз Советских Социалистических Республик, великая космическая держава распространяет коммунистическое учение не только на Земле, но и по всей Солнечной системе!..

Ромка выпрямляется. Из стен зданий вновь выходят чёрные толпы, затапливают улицы.

— Коммунисты — это венец человечества. Идеальное общество, где труд для каждого по необходимости сравним с пищей и водой, где не существует начальников и командиров, где все равны. Главный принцип: «От каждого по способностям, каждому по потребностям!»

— Это же роботы, — проговаривает Ромка. Он смотрит на мерно шагающие толпы, бездумные, мёртвые, выполняющие заданную программу. Модель идеального общества. Разумные существа никогда такого не добьются. Лишь искусственный интеллект по заданной программе может играть в коммунизм. И эти роботы тому подтверждение.

Невероятно. Они пережили своих создателей на пять миллиардов лет... Но как это возможно? Неужели всю энергию они добывают из ядра спутника?

— Источники энергии, — спрашивает парень.

Байк выдаёт:

— Магнитное поле, активность ядра, вода, кристаллический углерод...

— Стоп, — говорит Ромка. — Углерод? Здесь есть алмазы?

— Около семисот одиннадцати тысяч тонн обнаружено при первичном сканировании, — сообщает байк.

— Что же ты сразу не сказал! — вскрикивает парень, хлопнув ладонями.

Это же целое состояние! Даже на планете отца раз в десять меньше! Сколько энергии можно из них извлечь при распаде! Да её хватит, чтоб за секунду прыгнуть на край Вселенной!..

— Я богат! — кричит Ромка, вскинув руки.

Спустя несколько минут эйфория проходит, и он уже спокойно задаёт вопрос:

— Где конкретно находится месторождение?

— Около ста двадцати километров отсюда.

— Составить маршрут, автопилот, поехали!

Байк несётся над головами по улицам тёмного мегаполиса. Роботы не кончаются. Сколько их здесь? Миллионы? Миллиарды? За время, прошедшее с высадки их космического корабля, эта техноквилизация, наверное, застроила и заселила здесь всё. Выходит, эти города пережили далеко не одну реставрацию, ведь любой, даже самый прочный материал со временем ветшает.

Ромка подлетает к небольшому — метров пять в диаметре — идеально круглому провалу.

— Восемь километров и триста метров вниз, — сообщает навигатор, и байк падает вниз.

Да они здесь всё изрыли! Города под поверхностью, видимо, уходят до самого ядра. Там должны быть энергостанции. Вот же глупцы! Сотни тысяч тонн алмазов, а используют такой примитивный источник...

Байк выныривает из тоннеля, и Ромку ослепляет ярким светом. Парень моргает, закрывшись ладонью и пытаясь разглядеть окружение через пальцы. Но вот догадывается, убавляет яркость фар. От потолка, где находится байк, и до незримой глубины растянулись прозрачные небоскрёбы. С первого взгляда кажется, что они из толстого стекла, но Ромка сразу же осознаёт всю их драгоценность. Внутри ворочаются странные металлические механизмы, тучи проводов опутывают алмазные этажи. Здания кишат роботами. Одни ходят из угла в угол, другие стоят у мигающих разноцветными лампочками приборов. Всё это напоминает Ромке аквариум в отцовской комнате.

Это что же получается? Строили из того, что было под рукой? Из алмазов?!

Байк вновь перехватывает сообщение.

— Товарищи! — раздаётся звонкий мужской голос. — Сегодня великий день для всей космонавтики! Мы отправляем четыре корабля-близнеца в наше с вами будущее! Коммунизм-1 высадится на Марсе, а остальные отправятся к Юпитеру: Коммунизм-2 на Каллисто, 3 на Ганимед и 4 на Европу. Эти космические корабли оснащены искусственным интеллектом, созданным нашими великими советскими учёными. Роботы подготовят колонии, и в недалёком будущем человек Советского Союза станет «новосёлом» сразу в четырёх «квартирах»! Ура, товарищи! Слава великой космической державе! Слава СССР!

Слышится приглушённый крик ликующей толпы. Ромка просит Систему байка дать пояснения о названиях космических тел.

— Данные из расшифрованного архива. Марс — четвёртая планета от Солнца. Каллисто — восьмой спутник Юпитера, Ганимед — седьмой спутник Юпитера, Европа — шестой. Данные устарели. На сегодня так называемый Марс не существует. Спутник Европа также не существует, на его месте кольцо астероидов — это объект 2014-МФ-1-6. Каллисто — объект 2014-МФ-1-8. Вы находитесь на так называемом Ганимеде — объект 2014-МФ-1-7.

— Ганимед, — проговаривает Ромка. — Ну и название.

Байк медленно летит между прозрачных небоскрёбов, отражающих жёлтый свет фар. Похоже, освещения в зданиях нет. И правда: зачем оно роботам?..

Сколько же здесь алмазов... За это можно купить целую планетную систему, а то и две! Что отец со своей крохотной углеродной империей в сравнении с Ганимедом...

Но если рассказать папе об этой жиле, он в первую очередь обратится к старшему сыну, брату Ромки. И тот вместе со своей ротой разнесёт здесь всё, доберётся до каждого робота, уничтожит «великую космическую державу СССР», точнее то, что от неё осталось. Пятимиллиардолетнее наследие давно погибшей цивилизации. Да ну, какое же это наследие? Лишь чья-то давно увядшая мечта об идеальном обществе. Знаем мы этих идеалистов! Проходили в курсе истории галактики. Были и планеты, и целые планетные системы с подобным населением, с анархией, с равенством. Все искоренила Империя, она сейчас правит во вселенной. Потому что, как говорил один из первых императоров: «Гнилой зуб нужно вырывать с корнем, иначе зараза перекинется на соседние. И нет смысла лечить, врачевать: даже если останется одна сотая процента заразы, она прорастёт вновь». А ведь в планетарных масштабах одна сотая — это сто тысяч из миллиарда населения. Сто тысяч идеалистов, старающихся всех сделать равными, идеальными. Но человек, да и любой житель галактики не идеален по своей природе, ведь если будет наоборот, то развитие остановится. Эволюции не будет. И жизни тоже. Именно поэтому Империя развивает капитализм. В его политике идёт постоянная борьба за лучшее. Те, кто поднимается снизу, сбрасывают возвысившихся и берут ступень выше, а бывшие директора и владыки исправляют ошибки и вновь начинают восхождение. Такая синусоидная лестница. Это и есть развитие, эволюция, жизнь.

Так учат во всех школах галактики, и это Ромка в отличие от планетологии хорошо усвоил.

Значит, уничтожив эту цивилизацию, брат совершит настоящий подвиг. А отец, заявив права первооткрывателя Ганимеда, разрушит все алмазные «небоскрёбы», продаст ресурсы и несказанно разбогатеет. И Ромка будет этому причиной. Тогда точно в галактических новостях напишут...

Он нашёл «гнилой зуб». Его нужно немедленно «удалить». Так правильно, так поступил бы каждый житель Империи. Но эти роботы торчат на Ганимеде уже шестой миллиард лет и за это время так и не вырвались за пределы поверхности. А в переведённых сообщениях говорилось, что этот СССР хочет создать «великую космическую империю». Может, здесь они копят силы для завоевания галактики? Сколько уже роботов? Добрый триллион. Хватит, чтобы завоевать сотни две населённых планетных систем Империи. Даже сложно представить, сколько будет жертв...

Стоп. Есть же ещё Каллисто. Объект 2014-МФ-1-8. Возможно, там тоже существует этот коомунизм. Нужно проверить...

— Временный портал закроется через один час, — сообщает байк. — Просьба немедленно направиться по указанному маршруту.

На панели появляется чёрная карта с красными, жёлтыми и голубыми точками звёзд и белыми — планет. Портал в нижнем левом обозначен зелёным треугольником.

— Да подожди ты, — раздражённо бросает Ромка, направляя байк к одному из небоскрёбов. Подлетев вплотную, даёт команду на отбор пробы. Рассказ Ромки будет много убедительней, если он покажет отцу приличный кусок алмаза.

Из «носа» байка выдвигается лазерный резак, тепловым лучом отрезает ровный куб. Тот медленно падает в подставленный контейнер.

Роботы не обращают на это внимания. Они так же продолжают заниматься своей сомнительной работой.

Ромка хочет отрезать ещё пару десятков образцов, но Система говорит:

— Включение автопилота. Направление: портал. Маршрут построен. Удачного полёта.

— Воу, воу! Подожди! — взволновано кричит Ромка, но байк уже на улицах «верхнего» города.

Толпы роботов вновь затапливают дороги, но теперь Ромка видит в них не затерянную высокоразвитую цивилизацию, а армию, армаду врагов. Угрозу, нависшую над Империей. Нельзя оставлять это просто так. Нельзя, чтобы потенциальные враги имели такое количество ресурсов. Опасность росла рядом, да что там — внутри Империи, а та и не замечала... Конечно, уследишь тут за каждой планетой, ведь их в галактике сотни миллиардов.

Байк подлетает к башне, начинает подъём вверх, к поверхности. В кабину вновь врывается назойливый писк, отвлекает от размышлений. Ромка раздражённо активирует фильтр частот, тот преобразует сигнал в тихий шелест.

Хорошо, что есть такие парни, как брат Ромки: завоёвывают планету за планетой, увеличивают владения Империи и жилплощадь для её многотриллиардного населения. Также завоеватели уничтожают потенциально опасные цивилизации и порабощают мирные, но менее технически развитые. С равными или превосходящими по силе Империя старается наладить контакт, найти общий язык и взаимопонимание, чтобы обезопасить себя. Ведь главный закон космоса: выживает и правит тот, кто убивает и доминирует. Как в тёмном лесу. И с этим не поспоришь.

Ромка уже на орбите спутника, а через минуту — над планетой. Байк два раза облетает вокруг газового гиганта, чтобы набрать скорость.

Когда Ромка только увидел башню, торчащую из поверхности спутника, он решил исполнить долг жителя Империи: вступить в контакт с развитой цивилизацией. Но даже представить не мог, что таиться в глубине Ганимеда. Теперь же знает и, несмотря на юный возраст, понимает всю опасность, грозящую жителям галактики, если роботы вырвутся в космос и начнут разносить коммунизм по планетным системам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.